

Александрина
Виглянская

Видимое
невидимое

Александрина Вигилянская
Видимое невидимое. Рассказы

«Издательство Сретенского Монастыря»

2018

УДК 821.161.1-322Вигилянская
ББК 84(2=411.2)6-44

Вигилянская А. В.

Видимое невидимое. Рассказы / А. В. Вигилянская —
«Издательство Сретенского Монастыря», 2018

ISBN 978-5-7533-1449-9

В этой книге Александрина Вигилянская делится невыдуманной историей своего поиска Промысла Божьего — историей путешествия не только в пространстве, но и во времени, через века, от настоящего к прошлому. Неисповедимые пути привели её к чудесному обретению своей родословной и встрече со святым дедушкой, ее предком в восьмом колене — праведным Алексием Бортсурманским. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-322Вигилянская
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-7533-1449-9

© Вигилянская А. В., 2018
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2018

Содержание

По следам неисповедимых путей	5
Как это было	29
2014	30
Осторожно, двери закрываются	30
По-настоящему	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александрина Вигилянская

Видимое невидимое

По следам неисповедимых путей

Один знакомый монах мне как-то сказал: самое главное – разгадать волю Божию о себе. Распознать тот путь, который уготован именно нам, и жить в согласии с замыслом Божиим – это и есть осуществить своё предназначение.

Но как же обрести это согласие? Взгляд человека ограничен: нам дана способность воспринимать и осмысливать себя в настоящем и в опыте прошлого, заглянуть же в будущее нам не под силу. Мы движемся вперёд *гадательно*, далеко не всегда понимая, из каких наших намерений вырастет дерево и принесёт плод, а какие окажутся бессмысленными, пустыми или даже губительными. Потому и обращаемся мы к Богу со словами: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой». Потому и повторяем: «Да будет воля Твоя». Потому и восклицаем: «Господи! Ты испытал меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумеешь помышления мои издали... рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя» (Пс. 138).

Однако у человека есть одно подспорье, которое помогает ему приблизиться к этой нужной и сложной разгадке. Когда в нашей жизни происходит событие, которое меняет ход вещей во благо и оказывается судьбоносным, то мы обращаем глаза вспять и всматриваемся в цепочку «случайностей», благодаря которым событие – свершилось. И вот тогда-то мы и можем отчасти проникнуть в тайну Божественного Промысла – увидеть пустоту одних наших намерений и шагов и промыслительность других. «Вот здесь, в этом, казалось бы, мелком, проходном моменте, в этом случайном стечении обстоятельств и произошёл поворот, – удивляется человек, оглянувшись. – В том смутном предчувствии, – догадывается он, – звучали отголоски того самого призыва, которым вёл меня Господь. А вот тут, – разгадывает человек, – была пустота, вопреки моей уверенности, желаниям, планам, ожиданиям и мечтам. Это зерно не дало ростка – упало при дороге, и налетевшие птицы поклевали его. А вон то упало на каменистое место и, не имея корня, засохло...»

Всё это человек понимает потом, в обратной перспективе. Но – понимает! Значит, в этой оглядке нам всё-таки дано приоткрыть завесу гадательности, и невидимое становится видимым.

Я возвращаюсь к своим дневниковым записям ради этой оглядки – чтобы ещё раз спросить себя, обрели ли мои стремления то согласие с Промыслом, о котором говорил мне монах. Какое из моих намерений оправдалось? Какое предчувствие не обмануло? Как распознать этот голос впоследствии и не ошибиться – услышать и не пройти мимо? В сущности, опыт любого из нас – это свидетельство действия воли Божьей и Его неисповедимых путей, в которые вливается наша дорога, а значит – подтверждение Его помощи, Его постоянного присутствия. В этом смысле любая жизнь – это книга о Божьем водительстве, о руководстве и о подсказках, которые нам дарованы на нашем пути. Эти подсказки – во встреченных нами людях, в ситуациях, в которые мы попадаем, в проблесках интуиции и внимания, в подаренных нам мыслях и чувствах: как в способности чутко догадываться и предвосхищать, так порой и в опыте непрямых, окольных путей – в возможности ошибаться, чтобы потом увидеть и уразуметь эти ошибки и вернуться к началу. Но главный дар – в способности истолковать наше прошлое, чтобы выправить будущее. Эта книга – и есть попытка такого истолкования.

Свой путь последних лет я в общих чертах записала. Я конспектировала сиюминутное, внезапное, случайное и этим делилась с близкими. Всякий раз оно было запечатлено изнутри текущего момента, в режиме «онлайн», то есть в том самом состоянии гадательности, в котором горизонтов не видно. Сейчас записанное видится мне своего рода документом – фиксацией пути в его становлении, отражением человека в слепом движении наугад, когда событие ещё не свершилось, когда оно застаёт тебя врасплох – на полушаге, на полуслове, на переходе, на перекрёстке, в неведении, в предчувствии, в заблуждении, в сомнении, в метании, в темноте. И только теперь, когда проступил дивный узор, сплетённый из прошлых сиюминутностей, они обрели осмысленность и цельность.

Обратное зрение даёт нам увидеть, что узор судьбы, во всех его мелочах, есть отпечаток таинственного и чудесного процесса – процесса соавторства Бога и человека, каким бы неразумным человек ни был. Наделённые свободной волей, мы как образ и подобие Творца получили в наследство от Него дар творчества – уже в самой возможности творить собственное житие. И когда это житие освящается вторжением Чуда – событием нездешнего происхождения, то сотворчество Бога и человека становится очевидным – через Божье участие, через Его мудрую корректуру, выправляющую путаный, сбивчивый и громоздкий черновик. Если и нужно публиковать мои записи, то именно как свидетельство этой силы – проявления большого в малом, значительного в случайном, прекрасного в неприглядном, Божественного в человеческом.

Я начала их вести года три назад: честно говоря, это было попыткой некоторой самодисциплины, способом спасения от мутности и спутанности собственного сознания, поиском

избавления от нерасчленённого потока расплывчатых впечатлений и чувств, которые спонтанно накрывают в сумбуре текущей жизни, добавляя в этот сумбур ещё больший хаос недодуманностей и неясностей. Я записывала свои впечатления в бегстве от этого сумбура, чтобы хоть чему-то в своей жизни придать облик оформленности, завершённости и порядка. Это был своеобразный целительный способ остановки в безумной гонке за мчащейся повседневностью, которая вдруг стала меня ужасать. Я поняла, что пропускаю что-то важное, пробегаю мимо, не оглянувшись, что я совершенно не слышу себя – хотя бы потому, что не всегда утруждаюсь *внимать*.

Внимание – это очень точное слово. В толковом словаре оно определяется как избирательная направленность восприятия на тот или иной объект. Но кроме необходимой устремлённости сознания, уже требующей определённых внутренних усилий, внимание связано ещё и со способностью *внять* – услышать, воспринять, усвоить (то есть буквально – «сделать своими», включить в свою жизнь) те послания-подсказки, о существовании которых знает каждый верующий человек. Я записывала случайности, чтобы войти в состояние внимания – чтобы выловить хотя бы некоторые обрывки мыслей из их непослушной крикливой толпы и не позволить им пронестись, как всегда, мимо, впустую и зря. Вот я сейчас выдерну оттуда эту мысль, это впечатление, это смутное чувство, поймаю его за хвост – и в тишине на него посмотрю, проживу его до конца, попробую его назвать, найду для него нужное слово, а там, глядишь, может, и станет понятно, откуда оно растёт и куда может вырасти дальше. Я стала так делать, и – удивительно! – моя жизнь потекла по-другому. Постепенно я открыла для себя чудесное состояние, в котором незначительные подробности жизни, попав в фокус рефлексии, обретают ценность и смысл, потому что умеют вырастать – именно через моё внимание к ним – в потрясающие переживания, погружая в ощущение *полножизния*, когда каждая мелочь важна, насыщена, изобильна, промыслительна и прекрасна. И с этого момента неисповедимые пути повели меня в мир, в котором я ещё никогда не была...

Я расскажу историю, которая случилась со мной, но она не совсем обо мне и не только моя. Она о том, как бывает, когда человек делает маленькое движение, даже не шаг – шажок, он только заносит ногу, он только соглашается её приподнять, чтобы ступить туда, куда, как ему смутно кажется, его почему-то зовут. Она о том, как бывает, когда человек решается попросить – нет, даже не решается и даже не попросить – он только позволяет родиться в себе первоначальному импульсу вопрошания, звучащему очень коряво, потому что это всего только импульс, который даже ещё не успел облечься в слова: «Зачем, Господи? Помогите мне понять, зачем я это чувствую? И что мне со всем этим делать?» Оказывается, бывает так, что достаточно только возникнуть вопросу «зачем?», чтобы мгновенно пришёл ответ в виде оглушительных судьбоносных событий, о которых ещё недавно невозможно было себе даже помыслить. Для меня это история-проповедь, ибо она о бесконечной любви Божией к каждому, даже самому маленькому человеку – сколь бы ни был этот человек неразумен, тёмн и слеп.

Из моих записей станет понятно, как случилось, что я полюбила странствовать – ездить по русским городам, деревням и сёлам в поисках нерукотворной красоты и рукотворной прекрасной старины, как я открыла для себя целительность этих мест и уже не могла без них обходиться. Как я придумала для себя способ спасения от безвоздушного пространства мегаполиса с его ритмами холостого, мёртвого бега: я дожидалась выходных, садилась в машину и просто ехала за МКАД – туда, где начинается жизнь, где возвращается и оживает прошлое, где человек обретает совсем другое восприятие себя и мира вокруг. В одном из таких путешествий и произошла встреча, которая повернула мою жизнь, хотя тогда я даже не подозревала об этом.

В городе Вязники Владимирской области, гуляя вокруг дивной кладбищенской церкви Покрова Божией Матери, я случайно набрела на могилу дьякона Петра Вигилянского. С таблички на металлическом кресте на меня смотрел человек с прекрасным лицом, под портретом было начертано имя, а ниже – годы его жизни: 1872–1932. Я ничего не знала о вязниковском

однофамильце из прошлого и, взволнованная, бросилась расспрашивать о нём местного священника, который оказался рядом. Но священник только пожал плечами.

С этого дня я не могла найти себе покоя. Я знала, что Вигилянские – фамилия консисторская, и было очевидно, что дьякон из Владимирской губернии как-то связан с нашим родом, происходившим из священников. Но как? Какую он прожил жизнь? Кем он приходится всем нам – нынешним Вигилянским? И зачем он напомнил о себе сейчас? И почему именно мне? Эти вопросы повергли меня в совершенно новое состояние: у меня не получалось пройти мимо и продолжать жить дальше как ни в чём не бывало – мне непременно нужно было найти ответ. Во мне поселилось отчётливое чувство, что незнакомый дьякон с прекрасным лицом меня зовёт, призывает к каким-то шагам, словно хочет, чтобы о нём непременно узнали.

Вязники. Покровская церковь

Вязники. Могила дьякона Петра

Конечно, я поделилась загадкой с папой, протоиереем Владимиром Вигилянским, и с братом Никой – дьяконом Николаем. Но ни папа, ни брат, так же как я, ничего не знали о могиле за алтарём вязниковской церкви. Зато Ника упомянул о старом семейном альбоме и о сохранившихся там дореволюционных фотографиях наших предков, священников Вигилянских, о которых, кроме подписанных имён, тоже ничего не было известно. Альбом когда-то принадлежал покойной папиной двоюродной сестре Елене, и несколько лет назад Ника чудом добыл его у дальних родственников, которым альбом оказался не нужным. Почему-то эта история прошла мимо меня, и я кинулась к родителям – скорее разглядывать неведомые картинки из прошлого.

Я была потрясена: альбом начинался с фотографий конца XIX века, с серии портретов моего прапрадеда, протоиерея Алексея Вигилянского – величественного седовласого старца с роскошной белой бородой, дальше следовали фотографии его жены Анны Вигилянской, моей прапрабабушки, их красавицы-дочери, Ольги Алексеевны, с детьми и мужем, Дмитрием Губиным, а потом – уже тех их потомков, о судьбах которых нам было более или менее известно.

После знакомства с этим загадочным фотоархивом вопросов стало гораздо больше: где жил мой прапрадед, священник Алексей? В каком храме он служил? Жива ли эта церковь сейчас? Как складывалась его жизнь? Вообще, кто он такой? Кем были его предки? Как связан он с вязниковским дьяконом Вигилянским? И зачем всё это вышло из-под спуда именно теперь? Почему это происходит со мной? Почему всё это вдруг стало так важно – разгадать, узнать, поднять на поверхность? Это было не просто любопытство и не только зов крови: я чувствовала, что должна воскресить эту память и что это необходимо не только мне. Мне казалось, что за моими поисками кроется что-то великое – какое-то благословение Небес и Сила, и Слава. Такое творилось со мной впервые – это было *предчувствие чудесного*, от которого нельзя отмахнуться. Я стала молиться – записала в помянник имена всех неведомых Вигилянских, и мне уже казалось, что они рядом, прямо здесь, со мной, и мне помогают, и времена сомкнулись.

Вигилянские. Прапрадед прот. Алексей

А дальше начались чудеса. Я набрела на родоведческий сайт, где нашла целый форум о священниках Вигилянских, служивших в XIX–XX веках во Владимирской губернии. Выяснилось, что в Вязниках до сих пор жив краевед Лев Валерианович Вигилянский, внук того самого дьякона, могилу которого я обнаружила. Ни телефона, ни адреса краеведа-однофамильца на сайте не было, но я была уверена, что его найду. В ближайшую же субботу, едва дождавшись рассвета, я снова отправилась в Вязники, рассчитывая разведать о Лье Валериановиче в местном краеведческом музее. Но на подъезде к Вязникам я поняла, что приехала слишком рано, и музей ещё закрыт, поэтому свернула в соседний городок с прекрасным названием Мстёра: на форуме упоминались священники Авроровы, родственники Вигилянских, которые там служили.

Вигилянские. Ольга Алексеевна, Дмитрий Губин

В городе Мстёре нет краеведческого музея, зато есть музей мстёрских мастеров – они славились искусством росписи шкатулок. Музей тоже ещё не открылся, но зато я попала в это раннее нежное июньское утро с кувшинками на тихой реке Мстёре и с куполами храмов в рас-светном летнем небе. Я бродила по берегу, смотрела на отражения двух мстёрских монасты-рей, которые только недавно восстановили после советской разрухи, и молилась – даже уже не о том, чтобы найти родственников, а о том, чтобы научиться благодарить: я совершенно отчётливо чувствовала, что Господь рядом и что происходит какой-то великий поворот – вос-крешение памяти, как будто вступил в действие закон равновесия-восполнения, и прошлое возвращается, и забытое оживает.

В музее я пробыла не больше десяти минут и вышла оттуда с номером телефона вяз-никовского краеведа: так я нашла Льва Валериановича, ещё даже не успев доехать до его города. Через полчаса мы уже сидели вместе за столом у него на кухне, он листал толстую папку с архивными документами и историей «вигилянского» рода, напечатанной на машинке. Лев Валерианович восстановил свою генеалогию вплоть до мелочей, у него были сведения и о родственных Вигилянским фамилиях – Скипетровых, Авроровых, Кантовых – священни-ков, служивших во Владимирской губернии, от Мурома до Гороховца. Он показывал фото-графии и говорил, говорил, говорил... О зверствах большевиков, творившихся на владимир-

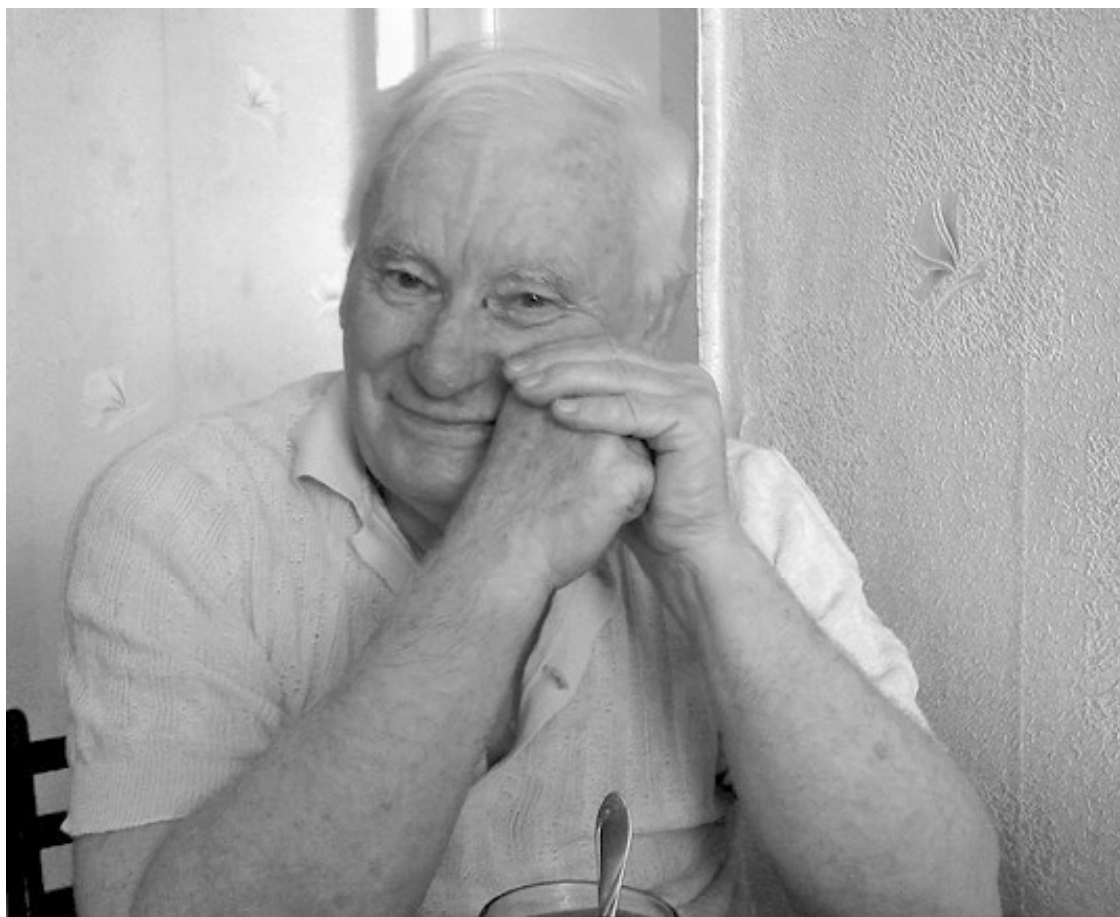
ской земле, об изувеченных храмах, о мученических подвигах священников: никто из них не пережил 1937 года. Я узнала подробную биографию дьякона Петра, деда Льва Валериановича, могилу которого я нашла меньше месяца назад, узнала и о трагических судьбах остальных «владимирских» Вигилянских, среди которых оказались и канонизированные новомученики. Однако сколько ни всматривался Лев Валерианович в лица на фотографиях нашего семейного альбома, который, разумеется, был у меня с собой, но ничего сказать о них не мог. Стало очевидно, что они принадлежат к какой-то параллельной ветви, и искать их надо в другой губернии.

Я провела у Льва Валериановича целый день. Он разрешил перефотографировать портреты священников из его архива и переписать истории их судеб. Я поймала себя на том, что мне уже и не важно, связаны ли эти прекрасные люди с нашим родом: это осколки нашей общей многострадальной истории, которую мы все должны знать. Тем более что 80-летний Лев Валерианович совершил настоящий подвиг, расследуя дела давно минувших дней ещё старыми способами: не имея интернета, на протяжении долгих лет он по крупицам добывал сведения, посылая письма в архивы. Его бесценная папка просто лежит в ящике его письменного стола, и эти материалы до сих пор никому не известны. Я предложила ему отсканировать все страницы, перенабрать текст на компьютере, чтобы сделать его доступным всем нам, чтобы гигантская работа не пропала даром, не потерялась, не канула в Лету. Эти слова растрогали Льва Валериановича до слёз – пожилой человек сидел напротив меня и плакал. Ему казалось, что прошлое никого не интересует, и моё внимание было для него счастьем. С тех пор прошёл год, насыщенный событиями, о которых речь впереди, и я чувствую, что настало время вернуться в Вязники с ноутбуком, сесть за письменный стол Льва Валериановича, провести несколько дней за несложной работой и дать ей новую жизнь, сохранив для всех нас и наших потомков. И конечно – тем самым хоть как-то ответить её проникновенному автору на его открытость и гостеприимство, принести ему благодарность за труды, за возвращение и хранение нашей памяти...

Мстёра

Уехав из Вязников, я, разумеется, сразу написала об открывшихся мне потрясающих судьбах, в которых отразился весь наш кровавый XX век, наша общая боль и вина. И меня засыпали письмами. Получилось так, что, не найдя ответов на свои вопросы, я случайно, сама того не подозревая, нашла ответы для других. Через меня люди находили своих предков, восстанавливали лакуны в семейном древе, обретали свою историю. Многие ездили в Вязники ко Льву Валериановичу и возвращались с ответами. Меня это поразило: я поняла, почему не могла усидеть на месте, почему так стремилась в чужой город, наобум, наугад, и откуда эта непреодолимая тяга, которой я не могла найти объяснения. Человек, творя свою судьбу, будучи орудием в руках Божьих, может чудесным образом, даже не зная об этом, влиять на судьбы других людей, стать проводником и посредником, звеном в общей цепочке Промысла, в которой мы все незримо связаны друг с другом. И именно в этот момент я впервые, на собственном опыте убедилась в существовании уже упомянутого мной невидимого пути сотворчества Бога и человека, которому мы все удостоены приобщиться в нашей жизни. Мне казалось, что одного этого уже достаточно, чтобы уяснить себе дивный смысл тайного предчувствия, родившегося столь неожиданно и внезапно в моём сердце. Но меня ждало новое открытие, которое обрушилось на меня буквально через считанные дни после чудесной поездки в Вязники.

Вигилянский Лев Валерианович, краевед

Среди писем, приходивших ко мне, одно прилетело из города Чебоксары. Некая женщина по имени Елена Окунева убеждала меня в том, что мой прапрадед, священник Алексей Вигилянский с фотографии из семейного альбома – брат её прапрабабушки, что жили они в городе Курмыше Симбирской губернии и что мы с ней, видимо, родственники. Папе было достаточно услышать только это название – Курмыш, чтобы он воскликнул: «Да! Мы нашли: это они! Место рождения моего отца, Николая Дмитриевича Вигилянского – город Курмыш,

теперь я вспомнил!» С Еленой Окуновой мы стали сверять имена и даты: она занималась своим родословием уже давно и знала об Анне Петровне Вигилянской, моей прапрабабушке, о её дочери Ольге, моей прабабушке, она назвала приблизительные годы их жизни – всё сходилось. Дальше стали выясняться подробности: я узнала имя ещё одного Вигилянского – священника Павла, это был мой дедушка уже с тремя «пра», в середине XIX века он служил, как сказала Лена, в Успенском храме села Бортсурманы того же Курмышского уезда. Он-то и родил, кроме прочих шестерых детей, моего седовласого прапрадеда Алексея из альбома и прапрабабушку Елены Окуновой, с которой мы через это родство оказались пятиюродными сёстрами.

В августе 2016 года, то есть всего через полтора месяца после путешествия в Вязники, я уже мчалась за 600 километров от Москвы, в Нижегородскую область, в земли бывшей Симбирской губернии, в места с таинственными названиями, которые я никогда раньше даже не слышала, – в Курмыш и Бортсурманы. Навстречу мне из Чебоксар ехала моя новообретённая сестра Лена. Я добралась на день раньше, 16 августа. До назначенной встречи с Леной в селе Бортсурманы был ещё день, поэтому я сначала отправилась в посёлок Курмыш, в надежде разыскать храм моего прапрадеда Алексея, как я успела выяснить – в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

До революции Курмыш был процветающим уездным городом с многовековой историей, с десятитысячным населением, с двумя монастырями и пятью храмами. Когда попадаешь в него сегодня, то испытываешь противоречивые чувства: сердце бьётся при виде голубых куполов белоснежной Покровской церкви с колокольней, которую видно отовсюду, – радость, она всё-таки уцелела и действует!

Богородицерождественский храм – рядом, стоит, слава Богу! Увы, колокольня разрушена, купола снесены, но главное здание сохранилось – с алтарными апсидами, с окнами, с дубовыми дверьми. Он изувечен, но всё-таки жив: на фоне мерзости запустения и уже узнаваемой печальной картины разрухи советских времён это было счастьем, ведь Курмыш не избежал страшной участи большинства русских городов. От монастырей не осталось и камня на камне, большинство храмов сровняли с землёй, Тихвинская кладбищенская церковь превратилась в руины, из которых растут деревья, на месте древнего городского кладбища – сельпо и огороды...

Я вышла из машины и долго смотрела на то, что осталось от церкви прапрадеда. Ходила кругами, прикасалась к кирпичным стенам, и радость сменялась болью – прямо в алтарной апсиде вырублена дверь, над которой табличка: «Курмышский дом культуры». Вскоре начала собираться молодёжь, и из храма послышалась залихватская музыка дискотеки – какой-то жестокий циничный анахронизм, перевёртыш, насмешка, издёвка. Я всматривалась в постройки рядом и чувствовала, как изнутри подымается что-то щемящее: где-то здесь был их дом, моя прапрабабушка Анна, кругленькая, с норовистым характером, активная, весёлая – я знаю её по фотографии, – хлопотала тут по хозяйству, звонили колокола к заутрени, прапрадедущка спешил на службу, он ходил *по этой самой земле*, а за ним – и красавица Ольга Алексеевна... Прошлое ожило и казалось реальнее и важнее настоящего.

А потом я поехала дальше и глубже, ещё на одно поколение вниз – в село с дремучим и сказочным именем Бортсурманы: именно там родился прапрадед из бедной курмышской церкви, ведь в Бортсурманах служил его отец, иерей Павел – мой дедушка в шестом поколении, и Успенский храм, я знала, возродился и действует.

Курмыш. Храм прапрадеда

О селе Бортсурманы нельзя рассказывать мимоходом: это место, в котором скрестилось для меня всё, что связано с представлением о Руси, о глубинке, о прошлом, о Родине, об истоках – о чём-то бесконечно родном, корневом, кровном, нутряном, отеческом, нашем. Надо было проехать каких-то 25 километров, чтобы окончательно отменилось время. Я попала в картинку из хрестоматии, из книжки с названием «Русь изначальная», в Землю обетованную, откуда мы все приходим. Представьте себе: зелёные просторы, деревенские домики, околицы, козы, петухи, и дорога, и холм вдалеке, и белоснежный храм на холме – невозможно прекрасный. Я словно возвращалась домой после долгой разлуки – это чувство узнавания, его нельзя ни с чем перепутать. Я была абсолютно очарована и взволнована, но даже не могла предположить, какое новое потрясение ждёт меня здесь.

Я подъезжала к храму под звон колоколов, вокруг было множество машин и люди – толпа людей, радостных и нарядных, собравшихся здесь явно по какому-то особому случаю, ведь это был обычный будничнейший день, вторник. Заканчивалась полиелейная всенощная, и я в нетерпении бросилась расспрашивать бабушку за свечным ящиком, что же это за торжество, на которое я попала. Оказалось – канун престольного праздника, Обретения мощей святого праведного Алексея Бортсурманского, священника этой церкви – подвижника, прозорливца, целителя, чудотворца, и мощи его покоятся прямо здесь, в храме.

Бортсурманы
17 августа 2016 г.

Я заметила раку, украшенную цветами, и припала к мощам неведомого старца – я и имени его никогда не слыхала – и не переставала удивляться: приехать сюда впервые – и попасть в самый день его праздника! Я купила в лавке книжечку с его житием, отъехала в лесочек неподалёку, чтобы устроиться здесь на ночлег в палатке: в окружении происходящих чудес мне не было страшно. Перед сном я достала житие, и оно само распахнулось ровно посередине, там, где проходит скрепочка – такая, как в школьных тетрадках. И мой взгляд упал на строки, от которых забило сердце: «За девять лет до своей кончины отец Алексей вышел за штат и передал своё место Павлу Вигилянскому, женатому на его внучке от старшей дочери Надежды». Так, за один день я обрела родословие вплоть до восьмого колена: иерей Алексей Гнеушев, незнакомый дивный святой, память которого чествовали именно сегодня, оказался моим родным дедушкой с пятью «пра».

Бортсурманы. Мощи святого праведного Алексия Бортсурманского

Как рассказать, что я чувствовала, лёжа с фонариком в тёмной палатке, в ночном лесу, на окраине глухого села? Что может чувствовать человек, который ищет одно, а обретает – всё? Просит малое, а получает сторицею? Как описать, что испытываешь, когда вдруг понимаешь, что вся твоя жизнь – под увеличительным стеклом, на ладошке? Что не я иду, а *меня ведут*, что не я искала, а *меня нашли*? Передо мной мгновенно вновь развернулась вся цепочка «случайностей» на этом пути, все его промежуточные остановки и полустанки, когда ещё не было видно конечного пункта, а слышался только необъяснимый далёкий зов, которому нельзя было не поддаться. Мне опять – уже в новом свете – открылась тайная причина тех странных предчувствий и непонятных порывов, которые мной управляли. Я наконец поняла, ради чего со мной всё это происходит – не только ради воскрешения родословия, но ещё и для того, чтобы этой тёмной прекрасной ночью, в глуши, на краю света, я узрела невидимое в Силе и Славе Божией – через красоту Его Промысла, действующего так таинственно и чудесно прямо здесь, на этой земле, в нашей маленькой жизни. Святой дедушка взял меня за руку – ещё там, в далёкой Москве – и привёл к себе через Вязники, через случайные находки и встречи, чтобы я сейчас не могла сомкнуть глаз, чтобы я лежала в спальнике и повторяла: «Дивен Бог во святых Его!», «Святой праведный отче Алексие, моли Бога о нас!», «Слава Богу!». Это было похоже на второе рождение. Я читала о чудесах святого, описанных в его житии, и понимала, что одно из них, не вошедшее в книжку, происходит прямо сейчас со мной.

Следующий день – 17 августа 2016 года – я никогда не забуду. Весь холм вокруг храма был запружен народом, который не умещался внутри: литургию служили прямо на улице, в лучах восходящего солнца. В Бортсурманы на вертолёте прилетел владыка Георгий, митрополит Нижегородский и Арзамасский, ему сослужили четыре архиерея и священники, съехавшие со всей епархии. Мне казалось, что я попала на пир в Горнем мире, что раздвинулись все границы, и уже нет ни времени, ни пространства. Я вернулась к оглушительному переживанию веры: с такой силой и глубиной оно – в моём нерадении – могло открыться только при встрече с подлинным чудом, дарованным по милости и любви Божией, незаслуженно, совершенно задаром.

Сестра Лена узнала меня в толпе по выражению потрясения на моём лице – наверное, его нельзя было не заметить. Мы обнимались, и хотелось плакать – настолько пронзительными и острыми были наши эмоции. Эта встреча не укрылась и от журналистов нижегородского телевидения – я рассказывала свою историю перед камерой, чтобы свидетельствовать о чуде и славить Бога. После службы я пробилась к митрополиту Георгию, который с давних пор знает моих родителей и дружит с ними, – разумеется, я не могла не поделиться с ним моим оглушительным известием. Он благословил меня и сказал: «Ну и где же папа и мама? Жду их на службе здесь, в Бортсурманах, в следующем августе, через год: теперь, после такого явления чуда, без них этот праздник будет неполным. Добро пожаловать в гости».

Но папа и мама до сих пор ничего не знали и волновались в далёкой Москве, недоумевая, куда я опять исчезла. В Бортсурманах почти не действовал мой МТС, и разговор прерывался на полуслове. Я кричала в мобильник о чудесах, но они ничего не могли расслышать. Они узнали о них уже из фейсбука, где я сбивчиво обо всём написала, набирая текст в телефоне, по дороге обратно. Из Бортсурман я, конечно, поехала прямо к ним, и первым делом мы устроили домашний благодарственный молебен перед иконой святого праведного Алексия, которую я привезла от его мощей, с чтением акафиста и канона в его честь. А потом мы не могли наговориться, удивляясь Промыслу Божьему и Его неисповедимым путям...

Кончился август, началась обычная московская рабочая жизнь, но я чувствовала, что она уже никогда не будет такой, как прежде. Недавние чудеса, упавшие с неба, перевернули мой мир, преобразили его нездешним светом, и к этому свету невозможно было привыкнуть. Я чувствовала бесконечную благодарность Богу и собственную малость, своё недостойнство и незаслуженность чуда, которое со мной стряслось – именно стряслось, как вулкан, как землетрясение, как разверзшиеся небеса.

Бортсурманы
17 августа 2016 г.

Мне казалось, что теперь должна как-нибудь послужить, принести какую-то пользу – и стала молиться, чтобы Господь показал мне, чем именно я могу пригодиться, чтобы Он под-

сказал, что же мне теперь делать. Я обрела нового молитвенника – своего чудесного дедушку с пятью «пра», который, как выяснилось, всегда находился рядом, но теперь я знала его в лицо и стала постоянно к нему мысленно обращаться. В октябре, по внезапному наитию, я написала его портрет – чтобы с ним побыть, чтобы оказаться к нему поближе. Я населила свою картину чудесами из его жития – изобразила святых, которые ему являлись, нарисовала Успенский храм, по которому я уже скучала, и самого праведного Алексия на первом плане: я с трепетом водила кисточкой, а он постепенно оживал, и мне казалось, что он мне отвечает. На рамке я написала самые пронзительные слова из его акафиста – мне хотелось принести ему хвалу, хоть что-то для него сделать: «Радуйся, ведевый дальняя яко ближняя, радуйся, предзревый будущая яко настоящая...» – ведь этот его провидческий дар коснулся меня самой. Я совсем никакой не художник, и моё внезапное вдохновение не имело отношения к искусству в том понимании, какое обычно вкладывают люди творчества в свои художественные задачи, – это было порывом любви, поводом пообщаться с дивным дедушкой, который стал для меня родным.

Бортсурманы. С митрополитом Георгием
17 августа 2016 г.

Стоило закончить картину, как мне пришло неожиданное предложение из пресс-службы патриархии – стать автором роскошной книги о Святейшем Патриархе Кирилле, которая готовилась к его юбилею ему в подарок и уже была составлена в виде фотографий: оставалось написать текст, причём – в считанные сроки. Книгу надо было написать за несколько дней – совершенно несбыточная задача при моей ежедневной занятости на работе, не говоря уже о сомнениях, хватит ли мне мастерства для такого ответственного, большого и трудного дела. Но отказываться я не имела права: теперь, когда Промысл Божий так откровенно и громко явил свою силу, я больше всего боялась ему помешать – своим своеволием и поиском отговорок.

Неожиданно у меня началось воспаление лёгких – казалось бы, страшная напасть, на которую впору сетовать и огорчаться. Но именно больничный освободил для меня драгоценные дни и подарил время, чтобы погрузиться в подробности жизни и служения Патриарха, в его

проповеди и богословские труды, о которых мои знания, честно говоря, были до этого момента совершенно поверхностными. Я до сих пор не знаю, как это случилось, но через неделю книга была готова. Не раз я уже убеждалась в чудесном свойстве времени – в умении растягиваться, раздвигаться, останавливаться, расти вверх и вглубь, отменяя линейность: так бывает только в моменты присутствия Божиего, Его участия и помощи. У меня нет никаких сомнений в том, что святой Алексей Бортсурманский неотступно мне помогал – я, конечно, ему всё время молилась.

Едва дождавшись каникул в лицее, где я работаю, я стала собираться в новое далёкое путешествие – в город Ульяновск, в надежде, что в симбирском архиве найду сведения о священниках Вигилянских, в судьбах которых ещё оставалось много вопросов. Я уже смела уповать на то, что на этом пути я вновь окажусь под крылом Божиим, под заступничеством, под руководством, и верила, что путешествие не будет бесплодным. Перед отъездом я стала изучать маршруты и обнаружила, что один из путей лежит через Мордовию, где живёт чудесный молитвенник, владыка Зиновий, митрополит Мордовский и Саранский. История нашей удивительной дружбы – очередное свидетельство Божиего Промысла и благодати, и об этом подробно можно будет прочитать дальше, сейчас же ограничусь лишь самым главным, без которого рассказ мой будет неполным.

Когда мне было шесть лет, мы с родителями ездили в паломничество к могиле старца Серафима Тяпочкина в село Ракитное под Белгородом и жили при храме Святителя Николая. В те брежневские времена село Ракитное было одним из островков православной жизни, куда стекалось множество народа. Среди паломников там жил и молодой иеромонах, отец Зиновий, с которым мы очень подружились – настолько, что перед расставанием договорились друг о друге молиться. Он научил меня писать записочки «О здравии», и в списке имён самым первым у меня всегда стояло имя иеромонаха Зиновия. Года через два, узнав от мамы, что отец Зиновий оказался проездом в Троице-Сергиевой лавре, куда она как раз отправлялась, я написала ему письмо. Но ответа я не дождалась – как выяснилось впоследствии, отец Зиновий не знал нашего московского адреса, и мы совсем потерялись. Постепенно я стала всё реже вспоминать о моём детском обете, а потом и вовсе о нём забыла...

Прошло больше тридцати лет, и однажды папа позвонил мне с известием о моём забытом друге. Оказалось, что через несколько дней на патриаршей литургии в храме Христа Спасителя была назначена его хиротония в епископы: отец Зиновий, увидевшись с папой на каком-то церковном мероприятии, передавал мне своё благословение и приглашение на торжество. Конечно, я тут же вспомнила о нашей далёкой дружбе и не могла не приехать. В конце торжественной службы я пробилась поближе к амвону, где он стоял, и закричала сквозь толпу: «Дорогой владыка, это я, Александра!» Как же он обрадовался! Он буквально за руку вытащил меня из толпы, благословил и пригласил на праздничную трапезу, которая происходила здесь же – в одном из залов храма Христа Спасителя. Я оказалась среди почётных гостей – священников и архиереев, приносивших владыке свои поздравления. В конце трапезы, когда закончились все торжественные речи, мы сели с ним рядышком, в уголке. «А помнишь, – сказал владыка, – про наш уговор? Я – помню! Я молился за тебя все эти годы, каждый день, как мы и договорились!» Не рассказать, как сжалось у меня сердце и как сделалось нестерпимо стыдно: в отличие от него, я не исполнила своего обета – жила своей суетной жизнью, почти и не вспоминая о прекрасном лете из детства. Я просила прощения у владыки и о том, чтобы мы больше не расставались – чтобы теперь мы могли с ним общаться.

Так и случилось: нам, конечно, не удавалось с ним видеться – он служил тогда в далёкой Калмыкии, но мы иногда переписывались, и я всегда чувствовала его молитвы и помощь. Через несколько лет владыка Зиновий был хиротонисан в митрополиты и возглавил Мордовскую епархию. В трудную минуту я искала с ним встречи – и он отзывался. Мы виделись в московском Зачатьевском монастыре, где он останавливался во время Рождественских чтений

2015 года и куда я бросилась в состоянии глубочайшей тьмы и уныния, накрывших меня внезапно и страшно, впервые в жизни. Тот разговор с ним я никогда не забуду. Владыка сказал мне такие слова: «Скорби нам посланы для того, чтобы душа не остывала. Они нужны нам для переплавки. Иногда в темноте виднее светильник: нам дана эта тьма, чтобы мы стремились к источнику света». Чудесам в моей жизни я, конечно, обязана и молитвенной помощи митрополита Зиновия, его мудрым напутствиям и участием. Поэтому, отправляясь в Симбирск и увидев, что путь мой лежит через Мордовию, я не могла не просить владыку о встрече.

Владыка Зиновий, протоиерей Владимир Вигилянский
Август 2017 г.

Владыка Зиновий приютил меня в своей резиденции – в Иоанно-Богословском монастыре под Саранском. Матушки-монахини потчевали сказочными яствами, прекрасный монах устроил мне целую экскурсию по монастырю, сам владыка возил меня на своей машине на службы в фантастический собор-исполин святого Феодора Ушакова и по храмам Саранска, нам звонили колокола и открывали двери церквей, мы провели с владыкой целый прекрасный вечер с глазу на глаз, за разговорами обо всём на свете... Мне казалось, что я попала в какой-то царский мир и что всё это не со мной... Разумеется, я рассказала владыке о случившемся со мной чуде и подарила икону святого праведного Алексия. Владыка Зиновий поставил её на престол во время Божественной литургии, а потом и сам выразил желание посетить Бортсурманы – приехать туда в следующем августе, на праздник Обретения мощей святого праведного Алексия. Он включил эту поездку в своё расписание – уже тогда, в октябре, в Саранске. Владыка исполнил своё обещание и в августе сослужил праздничную литургию с митрополитом Георгием в селе Бортсурманы. Но об этом – речь впереди, а пока что я еду в Симбирск, совершенно обласканная невиданными почестями и любовью в предчувствии чего-то прекрасного: мой путь теперь освящён благословением владыки и его сугубой молитвой.

В симбирском архиве время потекло по-другому – я назвала это движение «вперёд, в прошлое»: чем дальше я погружалась в былое, тем ближе я продвигалась к чему-то главному в своей жизни. Меня ждала новая радость: Клировые ведомости церковью Курмышского уезда

за все годы XIX века – уцелели! Многие считали, что эти документы сгорели во время пожара; кроме того, из-за реформы переформирования губерний в области и уездов в районы произошла путаница, и было совсем непонятно, в каком архиве искать драгоценные сведения. Но они были здесь, и я их читала!

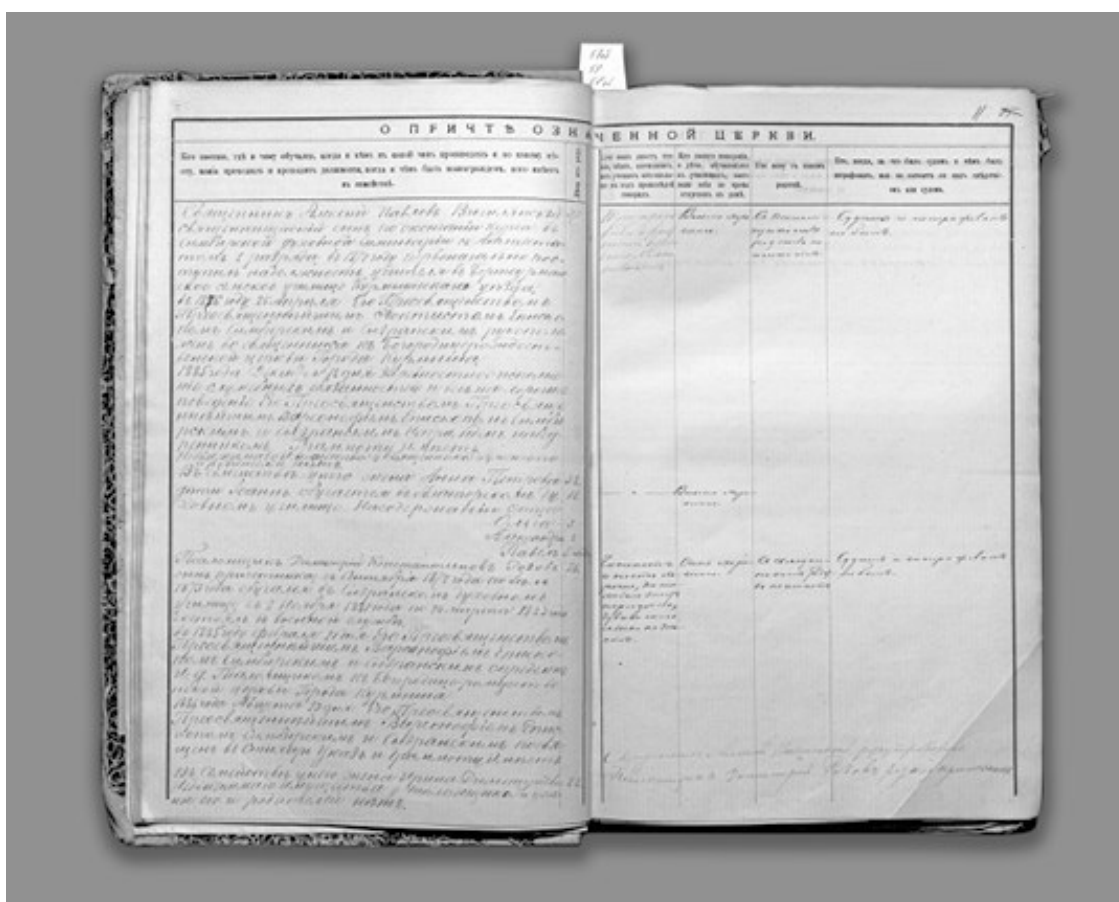
Клировые ведомости – это рукописные книги, в которые вносились сведения о храмах и об их клириках: от их биографии до информации о членах их семей, с перечислением имён и возраста. Иными словами, листая их, выясняешь всё – годы жизни священника, его место рождения и учёбы, указания о других храмах, где он служил, его награды, имущество, полный состав семьи, даты рождения домочадцев и даже количество «наставлений» – проповедей, которые он произносил! Это был кладёзь информации: я почти полностью, по датам восстановила наше семейное родословие, узнала имена жён и детей священников-предков, проследила побочные ветви, даже видела собственноручные подписи моих дедов – свидетельство живого дыхания прошлого. Беглое, наклонное, быстрое – от прапрапрадеда: «*Священникъ Павелъ Ивановъ Вигилянскій руку приложилъ*». Медленное, написанное дрожащей рукой – весточка из 1838 года, от святого праведного Алексия: «*Иерей Алексей Петровъ Гнеушевъ, священникъ Успенской церкви...*» – голос издалека, встреча! И отпечаток, по меркам истории, совсем недавней эпохи – подпись прапрадеда из семейного альбома, с которого и начались мои поиски: ещё несколько месяцев назад я недоумевала, кто он, а теперь – вглядывалась в неразборчивые буковки, написанные его рукой, и дивилась ощущению распахнувшейся двери...

Наконец объяснилась и загадочная связь нашей семейной ветви с «владимирскими» Вигилянскими: прапрапрадед Павел учился во Владимирской семинарии и был уроженцем этих земель, но после учёбы его направили в далёкую Симбирскую губернию, в Бортсурманы, где он и женился на внучке святого и стал его преемником в Успенском храме. Так Вигилянские обосновались в Курмышском уезде почти на целое столетие.

Но главное – мне пришёл ответ на вопрос, что мне делать, чем именно я могу отозваться на все эти благодеяния свыше. Я узнала место захоронения Павла Вигилянского, которое было потеряно. В советское время церковное кладбище полностью уничтожили; благодаря народному почитанию уцелела только одна могила – «батюшки Алексея»: получилось так, что, оберегая память праведного чудотворца и ухаживая за его могилой, жители села спасли от разорения и сохранили для нас его святые мощи, которые впоследствии, после его прославления, суждено было обрести Православной Церкви. Но остальные захоронения, увы, сровняли с землёй. Теперь же из архивных документов я знала, что отец Павел завещал себя похоронить за алтарём Успенского храма, слева от могилы святого Алексия – эта история сохранилась благодаря пророческому знамению, которое было явлено накануне установления надгробья Павлу Вигилянскому. Некий печник Герасим Чудаков услышал голос, который велел ему воздвигнуть памятник не вплотную, а на некотором расстоянии от могилы отца Алексея, потому что святому суждено в будущем «выходить мощами», и надгробье его преемника впоследствии могло повредиться. Благодаря этому чудесному указанию я теперь знала точное место захоронения прапрапрадеда. Тогда же я поняла, что обязана взять в свои руки ещё одно сложное и большое дело – попытаться отвоевать у сельского клуба храм прапрадедушки в Курмыше, вернуть его Церкви, а потом уже думать и о его восстановлении.

Возвращалась обратно через Бортсурманы: я конечно же не могла не воспользоваться возможностью снова припасть с благодарностью к мощам святого и просить его помощи в новых делах. На ночлег меня приютил в своём доме гостеприимный отец Андрей Смирнов, настоятель храма, а наутро мы вместе отправились на службу: это был день празднования Казанской иконы Божией Матери. После литургии отец Андрей открыл раку с мощами святого, и со мной произошло нечто такое, о чём я решила рассказать только маме и папе – настолько интимным, глубинным, нездешним и удивительным было моё переживание. Я стояла у мощей и не знала, какими словами молиться: я чётко поймала это ощущение – бесси-

лие слов, их неточность и скудность для выражения целого клубка моих мыслей и чувств, от благодарности до мольбы, чтобы святой всегда пребывал со мной рядом. И в состоянии этой словесной немощи, немоты я намеренно спустилась в свою глубину – туда, где слова ещё не родились, где ничего не названо, чтобы говорить со святым Алексием прямо оттуда, чтобы передать моё чувство, как оно есть, в этом первоначальном, новорожденном, неоформленном, неискажённом виде. Не понимаю, как это передать, но он мне ответил – я это знала, потому что у меня полились слёзы, именно полились – таким бесконечным и щедрым потоком, что от него насквозь промокли на груди моя куртка, шарф и всё, что было под ними. Я сейчас скажу странную вещь: Я НЕ ПЛАКАЛА! Это было совсем не похоже на обычный плач, на то, что бывает с нами от переизбытка чувств, от остроты переживаний, от сердечной растроганности. Слёзы лились сами собой – как реакция на что-то нездешнее, непостижимое и небывалое: видимо, тело просто не знает других способов отзываться, не понимает, как себя вести, как иначе ему себя проявить в этой встрече с явлением бестелесного, нематериального, внеземного – это была реакция на очевидность молитвенного отклика, на то, что, наверное, и называется благодатью...

Клировые ведомости о прапрадеде Алексее Вигилянском

Я ехала домой с новым свидетельством чуда, и меня вновь накрыло уже знакомое двойное чувство: благодарность, смешанная со страхом – с острым осознанием моей ответственности и долга, который призывает ко встречным шагам с моей стороны, к служению Богу. Я боялась, что это мне не под силу. На пути были Вязники: это географическое название стало для меня символическим, говорящим, *увязывающим* всё со всем – той нулевой точкой, откуда началась моя новая жизнь. Я, конечно, не могла не захватить ко Льву Валериановичу Вигилян-

скому. Теперь я уже знала ответы на все те вопросы, которыми мы оба задавались в июне, сидя на кухне. Мы опять сидели за этим столом, но теперь уже вместе дивились чудесным находкам.

А потом наступила зима, и долгие месяцы я жила ожиданием новой встречи: я скучала по Бортсурманам и мысленно к ним возвращалась. В конце апреля, как только растаял снег, я наконец повезла туда мою младшую дочку Лизу – мне посчастливилось найти пустующий домик прямо напротив храма: мы просыпались утром, смотрели в окно и не верили нашему счастью. Эти две недели, которые пришлось на самое нежное время – на пробуждение весны, опять связались в моём сознании с ощущением нового начала и возрождения жизни.

На этот раз в Бортсурманах у меня было много конкретных ответственных дел: ещё из Москвы я договорилась о встрече с владыкой Силуаном, епископом Лысковской епархии, – я поняла, что настало время с ним поделиться моей историей, которая так чудесно и тесно переплелась с местами его служения. К тому же мои новые задачи требовали его благословения и участия. Наш приезд опять совпал с великим праздником – с днём памяти святого праведного Алексия, 4 мая. Я знала, что епископ Силуан будет служить в Бортсурманах праздничную литургию, и надеялась поговорить с ним после службы. Но в самый день праздника выяснилось, что владыка уже выделил в своём расписании целый час для разговора ещё до начала богослужения. Это была великая милость.

Я рассказала ему все подробности обретения предков, показала семейный альбом – тот самый, который недавно вызывал столько вопросов, но о котором мне теперь было известно всё, поделилась своими печалью об участии курмышского храма, осквернённого клубными дискотеками, рассказала о найденной могиле священника Павла и о нашем желании её воскресить. Внимание и отзывчивость владыки превзошли все мои ожидания. Он поддерживал меня во всех моих начинаниях, дал своё благословение на любые шаги в деле возвращения памяти – на восстановление могилы прапрапрадеда, на диалог с пильнинской администрацией по поводу передачи курмышского храма Церкви и даже обещал этому диалогу содействовать. А во время проповеди после Божественной литургии он повторил мою историю с амвона церкви – уже всем её прихожанам и гостям. В этот же день владыка познакомил меня с главой пильнинского самоуправления – с человеком, напрямую связанным с решением вопроса о многострадальной церкви в Курмыше, и он пообещал мне, что в считанные сроки, уже в этом году, храм будет передан Церкви.

Приехав в Москву, я снова погрузилась в поиски, так как чувствовала, что с каждым новым витком этой истории обязана сделать очередной шаг со своей стороны – как ответ на полученные благоденствия. Это было похоже на движение по спирали, где с каждым кругом, с открытием новых высот, требовалось очередное усилие, которое впоследствии опять отзывалось чем-то неслыханным.

С епископом Силуаном
Бортсурманы. Май 2017 г.

У меня оставался только один вопрос – самый трепетный, интригующий и таинственный из всех, перед которыми я оказывалась до сих пор. Из жития святого было известно о его дневнике, который он вёл при жизни и завещал своим потомкам: дневник сначала хранился под престолом бортсурманского храма, а потом передавался из рода в род, от одних священников Вигилянских к другим. Последней читательницей дневника, по всей видимости, была жительница Бортсурман, помещица Мария Пазухина – она дружила с правнучкой святого Алексия, Марией Люцерновой, в доме которой и хранились эти записи в начале XX века. В 1913 году Мария Пазухина стала автором самого полного и подробного жизнеописания старца и издала брошюру «Иерей Алексей Гнеушев – подвижник веры и благочестия»: её содержание легло в основу нынешнего жития святого. Там-то и приводилось несколько цитат из его дневника, благодаря которым мы знаем о чудесных откровениях – о явлениях Господа и святых Его, которых старец сподобился в своей жизни. Дневник считался потерянным или сгоревшим, потому что с тех самых пор он бесследно исчез из поля зрения. Но меня грела надежда: дневник, заповеданный и предназначенный нам, потомкам, возможно, лежит в каком-то архиве и ждёт своего возвращения – так же, как это происходило недавно со сведениями о моих предках-священниках, которым суждено было вернуться в нашу жизнь через век забвения. Я искала следы дневника в Российской государственной библиотеке, но, не найдя ничего из моего списка, заказала книгу протоиерея Алексия Скалы – сборник жизнеописаний святых симбирской земли. В этой книге есть и глава о святом Алексии Бортсурманском. Странное в моём порыве было то, что этот текст я давным-давно скачала к себе на компьютер и его, конечно, не раз читала. Что именно толкнуло меня заказать давно знакомую книгу – я не знаю: по логике вещей, перечитывать её заново не имело смысла, потому что не могло добавить к моим знаниям никаких

новых фактов. Но я это сделала – сидела в читальном зале и неторопливо скользила глазами по знакомому тексту. Но ближе к концу я оторопела: в книге была фотография страницы из дневника святого. Меня осенило очевидное: фотография могла возникнуть только в наши дни – отец Алексей Скала, возможно, держал дневник в своих руках, а значит, он всё-таки сохранился! К сожалению, автора уже не было в живых, и выяснить, где именно он нашёл драгоценные записи, не представлялось возможным. Зато я узнала, что жил он в Ульяновске, и ответ напрашивался сам собой: дневник, скорее всего, спокойно хранится в том самом архиве, который уже мне так помогал.

С трудом отпросившись с работы и выпросив четыре свободных дня, я опять помчалась в Ульяновск: выяснилось, что архив вот-вот собирались закрыть из-за переезда, и я снова чувствовала, что происходят события, которые нельзя отложить. Тем более владыка Зиновий, которому я в сомнениях написала, не зная, как поступить, поддержал моё стремление и благословил на поездку такими словами: «Дневник святого – это послание из Горнего мира, которое нельзя потерять. А с работой ничего не случится». Я поселилась в той же гостинце, что и осенью, – она находится в двух минутах ходьбы от читального зала, и надо было всего лишь спуститься из моего временного пристанища с символическим номером 2017, перейти через дорогу, чтобы вновь шагнуть в глубину веков, где меня опять ждала судьбоносная встреча.

Фонд № 134, опись № 8, дело 999 – эти цифры в каталоге архива стали для меня координатами для самого громкого и предельного откровения на всём пути моих поисков: мне вручили бесценную папку с материалами расследования, которое проводила Симбирская духовная консистория в 1913 году, – «О причислении к лику святых иерея церкви села Бортсурманы Курмышского уезда А. П. Гнеушева». Разумеется, об этом расследовании было известно: канонизации святого тогда помещали только лишь исторические катаклизмы – Первая мировая война, революция, а за ней – страшные десятилетия безбожной власти. Материалы той кропотливой работы канули в Лету: в 2000 году, когда снова собирали сведения об Алексии Гнеушеве для возобновления дела о его канонизации, тех драгоценных документов так и не нашли. А сейчас я держала в руках эту папку, спрятанную от всех на целый огромный век! Среди документов к делу был приобщён и дневник праведного Алексея – не просто свидетельство его жития и чудес, но и святыня Православной Церкви. Я прикладывалась к сокровенным страницам и опять не могла найти слов, чтобы принести мою благодарность. Я воочию убедилась в чудесной природе событий, посланных свыше, – в их способности вырастать из самих себя, преображаться, обогащаться новыми смыслами на каждом витке дороги.

Я переписала дневник от начала до конца, слово в слово. Я почти полностью законспектировала все материалы дела: истории и доказательства чудес, творившихся по молитвам святого, новые свидетельства его пророчеств и исцелений, которые никому до сих пор не известны, показания очевидцев, письма самого старца, его потомков и тех, кто имел отношение к его памяти, воспоминания его духовной дочери – игумении Арзамасского монастыря, матушки Марии Ахматовой... Все эти материалы теперь вошли в новое житие святого, работу над которым я только что закончила: обогащённое новыми сведениями, житие выросло почти в два раза.

За алтарём бортсурманского храма уже восстановлены две разорённые в советское время могилы – моего дедушки в шестом поколении, иерея Павла Вигилянского, и брата святого Алексея, дьякона Александра Гнеушева. Впереди – восстановление храма прапрадеда. Но это уже – удел будущего и неисповедимых путей Промысла Божиего, в который я пока только всматриваюсь с замиранием сердца.

Я не знаю будущего, зато могу оглянуться назад. Оглядываюсь и вижу: из кусочков сложилось целое, видимое невидимое покрывло меня Любовью.

Как это было

2014

Осторожно, двери закрываются

21 сентября

Как интересно складываются сюжеты, иногда – просто в голове, но это ведь уже путешествие.

Увидела в телефоне непринятый звонок – от отца Августина, игумена Псково-Печерского монастыря. Когда-то я брала у него интервью, где он рассказывал о своём пути к монашеству и произнёс фразу, которая меня взволновала: «Самое главное – угадать волю Божию о себе». Угадать, ничего себе! Его история была о резкой, внезапной остановке, когда он сделал *поворот*: мгновенно упразднил всю запланированную жизнь, чтобы идти совсем в другом направлении – по пути монашества, где уже не может быть никаких поворотов...

И вот сейчас его неотвеченный вызов, перезваниваю – молчит. Зато моя мысль мне уже отвечает – куда-то меня зовёт, оттолкнувшись от всплывших воспоминаний – от темы судьбы и Промысла, о которых мы тогда говорили.

Мысль позвала оглянуться, посмотреть вокруг – на то, как складываются судьбы. Вот Петя, веснушчатый, с брызгалкой, из двора – уже депутат важный. А Вася – священник. А Юра – бизнесмен. А Ваня эмигрировал. А Катя умерла...

Но на самом-то деле всегда оглядываешься на себя – даже если смотришь на Колю, Катю и Петю. Кидаешь взгляд назад и дивишься – здесь улыбаешься с ностальгией, а тут – сетуешь или, что чаще, ужасаешься даже: как же меня угораздило попасть в ту историю?

Самое трудное и интересное – найти точку, с которой она началась. Когда именно ты шагнул в неё и оказался внутри? Не в тот ли момент, когда купил билет? А может, когда сел в поезд? или когда он тронулся? или когда заговорил с тем человеком в купе? или когда проводник толкнул: уже пора – конечная? Или вообще, давным-давно, когда ты только придумал себе далёкий город, куда так захотелось...

А в этом поезде у тебя и место есть – с номером, по билету, – и попутчики, и машинист, и ложка дребезжит в стакане с подстаканником, и расписание висит в коридоре. И сам ты уже – пассажир. А что там дальше, на конечной остановке – непонятно совсем. Это только сейчас, отсюда, всё видно: маршрут был чужой и поезд шальной и случайный.

В какой-то момент я решила, что самое правильное – как можно меньше вмешиваться в ход событий. Стараться не помешать Замыслу своим своеволием, не сломать, не напортить. Ехать по рельсам – и просто смотреть по сторонам: чем случайней, тем вернее. Но только вот если уже сидишь в поезде, который едет не по маршруту, то как же сложно с него сойти!

Записываю себе: не забыть про спасительную возможность – про остановку, как в жизни отца Августина. Ведь, может быть, в Замысле нет ни вокзала, ни кассы с билетами, ни пассажиров-попутчиков. И машинисты со стрелочниками – из чьей-то другой истории. И билет с местом, и расписание, и маршрут, и тот город далёкий – тоже.

Я спрыгну сейчас, проводник. Я спрыгну с этого поезда, мчавшего меня, прежнюю, в тех незапамятных временах, когда я – теперь уже знаю – ошиблась: я спрыгну с него сейчас, чтобы бывшее сделать не бывшим. Ведь нам, верующим, подарена эта целительная способность – изменить прошлое из настоящего.

Чудо. Называется – покаяние.

По-настоящему

30 сентября

Возвращались вчера с моей Лизой от бабушки и дедушки, и случилась у нас философия в пробках.

– Вот никак не могу понять, – говорит мне моя одиннадцатилетняя дочь, – как люди узнают, что зелёный цвет – он тот самый зелёный, который видится зелёным для другого? Вот смотрит человек, скажем, на листья и произносит: листья – зелёные. А может, другой видит их красными там или жёлтыми – другими? Просто научили его называть этот цвет – зелёным, не зная о том, что зрение другого, возможно, устроено совсем иначе... И как же узнать, что в действительности видит другой? Как выяснить, совпадают ли вообще люди в этом видении? Вдруг они только думают, что говорят об одном и том же, а на самом деле – совсем о разном? Зелёный-незелёный, красивый-некрасивый – это ведь для меня они такие, а другой, который соглашается, он, может, воспринимает их совсем иначе, а значит, и соглашается не по-настоящему! Получается, люди не понимают друг друга и даже не подозревают об этом... Да и вообще, как узнать, зелёные ли листья на самом деле – без нас, которые на них смотрят?

На самом деле центральный философский вопрос – в недоумении ребёнка. Тут и Кант с его ноуменами, феноменами и вещью в себе, да и вообще – вся классическая философия

с сомнениями о тождестве качества предмета нашему представлению о нём, с проблемой вечного зазора между тем, что кажется, и объективным качеством, признаком вещей, присущим их природе независимо от нашего зрения. Что в действительности является зелёным? Что в действительности является прекрасным? И вообще, какова «действительность», отдельная от нашего представления о ней?

Но Лизе я ответила по-другому. Я вспомнила слова из Послания апостола Павла о нашем нынешнем – ограниченном – состоянии ума и зрения: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу», «мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.